

ПАМЯТЬ О ЛЕГЕНДАХ Тьмы невежества противник

Симеон Полоцкий — единственный из белорусских писателей XVII и предыдущего столетий, у кого более-менее удачливо сложилась писательская и личная судьба. Над всеми другими словно висело заклятие. Франциск Скорина был вынужден покинуть родину. Симон Будный объявлялся еретиком, терпел обиды и от иезуитов, и от протестантов, и от православных и умер в чужом углу. Мелетия Смотрицкого сломали морально, и он, перейдя в католичество, испытал все муки, связанные с разрушением личности. Афанасия Филиповича затаскали по тюрьмам, а затем и вовсе физически уничтожили. Самые малые сведения сохранились о Василии Тяпинском, Стефане Зизании, Андрее Рымше, Филофее Утчицком, Игнате Иевлевиче. Буквально осколками представлено их литературное творчество, а, верно, не одну бессонную ночь провели они над бумагой, много трудились, но что по злой моде века сожгли на кострах иноверцы, что выбросили равнодушные или боязливые наследники, что само собой развеялось в роковые лихолетья, каких достаточно пришлось изведать белорусской земле. «*Verba volant, scripta manent*» — говорили в средние века: слова улетают, написанное остается. Увы, однако, при том условии, что его берегут.

Симеон Полоцкий был первым, чье литературное наследство уцелело, отразив с известной полнотой и эпоху, и ее культуру, и личность выдающегося поэта, драматурга, публициста.

Симеон Полоцкий — это псевдоним. Он составил из монашеского имени и прозвания, данного поэту москвичами по месту его последнего жительства на родине. Мирское, настоящее имя Симеона — Самуил Емельянович Петровский-Ситнианович. Он происходил из коренной семьи полоцких мещан. В «Полоцкой ревизии 1552 года» фамилия Петровских названа вскоре за Скоринами; возможно, эти семьи и жили неподалеку, потому что в росписи обороны Высокого замка они приписаны к соседствующим городням (участкам защитной стены) Софийской башни:

«Подле тое вежы две городни мещански — з великого посаду (в посаде жили Скорины). Затем городня Тяпинских. Затем городня Митковей. Затем пять городен игумены Полоцкого. Затем городня мещан Петровских».

Полоцк времен детства и юности Петровского выглядел печальнее, чем при

Скорине. Войска Ивана Грозного, а затем Стефана Батория, боевые действия в войну 1632—1634 годов основательно разрушили город. Наиболее горькой была потеря уникальной библиотеки древнего Софийского собора, случившаяся в августе 1579 года. Солдаты Батория стремились поскорее ворваться в Полоцкую крепость в надежде захватить собранные там, особенно в Софийском соборе, огромные, как им казалось, сокровища. Когда после месячной осады девять башен и стены Верхнего замка были сожжены и отряды ворвались в замок, драгоценностей оказалось намного меньше, чем сулили слухи. Но для понимающих людей большую ценность имело обнаруженное в Софии собрание древних летописей и сочинений. В среде, уважающей книгу, такие

потери не забываются, они становятся легендой и воспитывают определенные чувства — в первую очередь, желание вернуть похищенное. Воспитывают и слава выдающегося земляка-первопечатника, и древняя история Полоцка, имевшего собственную династию князей и занимавшего в Белой Руси главенствующее положение, и походы полочан в битву против Мамаю и на Грюнвальдскую сечу. Все это для одаренного ума — духовная пища, опора мечты, призвания.

Ко времени учения Симеона в Полоцке появилась и братская школа, фундатором ее был brasлавский судья Севастьян Мирский, отписавший в 1633 году Богоявленской церкви «полплаца в городе с правом построения на нем монастыря, госпиталя и училища». Помимо школы в Полоцке с

1580 года действовала иезуитская коллегия, двери которой были распахнуты для всех желающих учиться. Учили иезуиты хорошо, причем бесплатно, и эти два обстоятельства объясняют широкое посещение школы детьми иноверцев — и протестантов, и православных. Необходимым предметом в тот век было составление виршей — двустий, скрепленных рифмой. Школяры обязательно участвовали в публичных декламациях и в спектаклях школьного театра. Этому образу следовали и в братской школе. Словом, в Полоцке имела пусть ограниченная, но поэтическая атмосфера, способная пробудить к мышлению поэтическими строками.

В сороковом году Полоцкого отвезли, для учебы в Киево-Могилянскую коллегию — лучшее учебное заведение православных в Речи Посполитой. Здесь стремились дать не меньшее образование, чем давали противостоящие католические коллегии. От того времени сохранились первые стихотворные опыты Петровского, циклы виршей религиозного содержания «Акафист» и «Канон». Они помечены 1648 годом. Годом, который стал началом борьбы украинского народа за свою самостоятельность. Едва ли когда кто-либо мог предположить, что возглавленное Богданом Хмельницким восстание перерастет в одну из самых длительных и кровопролитных войн века, в которой столкнутся армии нескольких государств.

Однако образ жизни студента несколько не изменился. Окончив в пяти: десятом году коллегию, он поступил на философский факультет Виленского университета. Университет принадлежал иезуитам, и преподавание велось по

тем же программам и учебникам, которыми пользовались все католические университеты Европы. Вторым факультетом университета был теологический, он готовил преподавателей для иезуитских школ, и тут могли учиться только лица, вступившие в Орден.

На философский факультет в былые времена принимали без особых придирок к вероисповеданию, полагая, что три года слушания лекций изменят воззрения студента с выгодой для католической церкви. Но в пятидесятые годы этот ценз стал строже. Уже было официально покончено с веротерпимостью, которая существовала в Великом княжестве Литовском в предыдущие столетия. В 1648 году решение сейма исключило из-под опеки закона ариан — левое крыло протестантов. Годом прежде были закрыты их типографии и школы. Насильственные формы принимало обращение православных в униатство. Католическому натиску сопутствовала полонизация сознания белорусских магнатов, крупной и средней шляхты, что разрушило институт меценатства, необходимый для развития просвещения и литературы на родном языке. Сам белорусский язык вытеснялся из сферы культуры и официального употребления; в конце века эту практику узаконили специальным постановлением конфедерации сословий Речи Посполитой, но это было решение *post factum* — после сделанного. В Белоруссии и на У краине действовал униатский монашеский орден св. Василия Великого — так называемые базилиане. Униатских воззрений держался и Симеон, что, собственно, и

отворило перед ним двери университета. Можно только гадать, как сложилась бы дальнейшая судьба Полоцкого, если бы в

это время не случились события, круто изменившие жизнь всего того поколения и отразившиеся на истории нескольких стран. В 1654 году после известных решений Переяславской Рады Россия начала войну против Речи Посполитой. Ослабленная «казацкими» войнами и народными восстаниями. Речь Посполитая не могла оказать сопротивления; за лето и осень русские войска заняли Смоленск, Полоцк, Витебск, Мстиславль, Оршу, Могилев, а в следующем году — Минск, Пинск, Гродно, Ковно и столицу Белоруссии и Литвы — Вильно. Город подвергся разгрому, католические и униатские костелы — разграблению. Ни о каких занятиях в иезуитском университете не могло быть и речи; сама жизнь любого католика и униата висела в эти дни на волоске. И Полоцкий благоразумно отправился домой.

Воспользовавшись удобными обстоятельствами, на Речь Посполитую напали шведы и быстро оккупировали всю территорию Польши и часть Литвы, не занятую русскими войсками. Все шло к тому, что Речь Посполитая исчезнет с политической карты. На белорусских землях царь Алексей Михайлович возрождал «истинное от латинян» православие. Казалось, что настал час торжества православной церкви и что обижаемые долгие годы православные получают все те привилегии и льготы, какими прежде владели католики. Для людей образованных это, в первую очередь, связывалось с широкими возможностями занятий науками и творчеством. Вот на этой волне вознесения

православной веры Самуил Петровский постригся в монахи Полоцкого Богоявленского монастыря. Весьма сомнительно, что им руководило религиозное чувство, хотя оно, безусловно, присутствовало. Он вообще не имел склонности к аскетизму и замкнутой келейной жизни. Ряска монаха или священника была как бы униформой профессиональных писателей того века. Клобук освобождал литератора от материальных забот, всегда пагубно отражающихся на творчестве. Мирская жизнь с ее обязанностями перед государством и семьей, по убеждению Полоцкого, могла лишь вредить научной и поэтической работе:

Ибо не будет мощно с книгами сидети, Уделит от них жена, удалят и дети...
И Феофраст в книзе си того възбраняет, Препятствие мудрости женитву вешает.
Ей неудобно книги довольно читати,

И хотение жены в доме исполняти.

Вот так, в 27 лет принудив себя к обету безбрачия, исчез из мира Самуил Петровский, а явился чернец Симеон, правда, на вполне мирской и отвечающей устремлениям души должности дидаскала (учителя) братской школы.

Буквально через месяц он стал участником дел, обусловивших всю дальнейшую его жизнь.

Начав в 1656 году войну со Швецией за балтийское побережье, царь Алексей Михайлович выехал к театру военных действий. Путь его лежал через Витебск и Полоцк, и отцы Богоявленского монастыря придумали восславить его прибытие в город панегирическими стихами. Здесь было не менее расчета, чем чувства, и расчет этот крылся в том, чтобы польщенный самодержец отблагодарил бедствующий монастырь материально. Игумен монастыря Игнатий Иевлевич, Филофей Утчицкий и Симеон — все трое поэты — составили искусные по форме и удачные в политическом отношении «Метры», которые при встрече царя за городской чертой и продекламировали двенадцать

отроков. Но несколькими днями прежде Симеон, неизвестно с ведома или без ведома игумена, отбыл в Витебск, и здесь тоже силами школьников были прочитаны для царя «Метры», сочиненные Симеоном лично:

Витаем тя православный царю, праведное солнце, Здавню бо век прагнули тебе души наши и сердце. Витаем тя, царю, от востока к нам пришедшаго. Белорусский же от нужды народ весь свобождашаго.

В приветствии не было забыто и боярское окружение царя:

Вы есть воинове царя росом избранное, И богом небесным в силе теж его посланное Противо народов свирепых наших гонителей, Горделивых, гневливых а злых церкви гонителей. Вы на тую войну, бояре, былисте готовы. За веру з смелостью пошли яко дети львовы.

Тут следует сказать, что все эти яркие метафоры, принятые, разумеется, с удовлетворением, не стоили Симеонову напряжения поэтических сил. В основу декламации он взял изданную в конце XVI века «Просфониму», где эти же

сравнения применялись к киевскому митрополиту. Подобная высокопарность считалась обязательной для распространенного тогда в Белоруссии и Литве жанра эпикграмм — описаний магнатских и шляхетских гербов. Не встреча с царем вдохновляла Полоцкого: человек предприимчивый, активный, Симеон вдохновился благоприятным случаем явить для оценки свой поэтический дар. Лирические стихи тот век отвергал; обстоятельства требовали от виршей политической начинки, и Полоцкий угадал, какой именно. В августе того же года распространились стихи о возможности избрания царя Алексея великим князем литовским и польским королем. Ничего не было известно конкретно, нельзя было предугадать, что решит сейм, но Симеон, опережал событие, пишет: «Winszowanie obrania па Krolestwo Polskie»

(«Поздравление по случаю избрания на королевство польское»):

Ликуй и веселися, царю Алексею, Што ездец литовский властью твоею Щытиться и за князя великого тебе З веселием прымует для оброны себе. Светиш, о солнце, в полском горизонте. Даст бог, засветиш и на Черном Понте, Где солнце своим светом сияет на воды Там забрмит твоя слава над всеми народы.

Недавний студент иезуитского университета счел должным на всякий случай усладить слух и «святейшего Никона, архиепископа царствующего града Москвы, и всея Великия, Малыя и Бѣлыя России, и всея Северные страны и Поморья и многих государств патриарха», как тот пышно себя поименовал:

Не спит Никон святейшы, леч отверсты очы На вси страны мает, яко во дне, так и нocy.

Бы волк хитры не шкодил, на вси страны чует...

О тактическом назначении этих «Метров», «Виншований» и «Витаний» свидетельствует «Витание епископа Калиста Полоцкого и Витебского...», сочиненное Симеоном в 1657 году. Калист был назначен епископом в обход существовавших в Белоруссии правил, поскольку белорусские земли находились под эгидой Константинопольского, а не Московского патриарха. Устраивать в его честь декламацию не было оснований. Тем не менее Кал ист, въезжая в Полоцк, услышал:

Лобзаем тебе пастыру, нам от бога даны. От царя православна на сей сан избраны. Тебе пастырем овец своим познаваем И пастырскому гласу твоему послушаем.

Едва ли такая работа на потребу монастыря приносила Полоцкому удовлетворение. Другое дело, что подобные вирши писались росчерком пера вне связи с вдохновением. Вообще, Полоцкий писал быстро и легко, почти без помарок. Ученик и последователь Симеона поэт Сильвестр Медведев, уже по смерти учителя, вспоминая его распорядок дня, сообщал: «К тому присно прилежал Симеон чтению и писанию. На всякий день нме залог писати в по л десть по полу тетради, а писание его бе зело мелко и уписисто». Восемь тетрадных листков каждый день. Возможно, в полоцкий период жизни он писал

меньше, но не писать Симеон себе не позволял. Чувствуя недюжинный талант, он старался его осуществить, собственно, таковы были его воззрения:

Талант в землю сокрыти, есть то благодати данная на тлетворны вещи
обращати. И еще: Знающе правду, а о ней молчати,

есть злато в землю тщетно закопати.

Симеон отлично владел латынью и писал стихи по-латыни, писал на родном языке и кириллицей и латиницей, часто писал по-польски. В ранний период (1648—1663) в круг поэтической обработки Полоцкого попадало все, что он знал: сведения из истории и географии, древние мифы, христианские легенды, личные религиозные переживания, устройство мира, астрономические сведения, смена времен года — словом, все, на что откликалась его душа и что узнавал он из книг. Патриотические чувства Симеона с особенной яркостью проявились в виршах, написанных по случаю возвращения русскими в Полоцк городской святыни — иконы Богородицы, а затем вторичной потери ее. Стихи Полоцкого, созданные в белорусский период творчества, отличаются личностной интонацией, активным чувством; они свидетельствуют о высоком уровне белорусской поэзии того времени, о неординарном таланте поэта. Существенно, что в эти сложные годы Симеон имел и свою аудиторию среди учеников братской школы и, верно, среди образованных горожан. Для творческой личности «обратная связь» — чувства читателя — очень важна, более важна, чем хлеб, ибо изоляция, «работа в стол» губят дарование.

Но развитию белорусского слова неблагоприятствовали события внешней жизни. Заключив перемирие с Россией, поляки дали отпор шведам; в это время умер Богдан Хмельницкий, а сменивший его гетман Выговский поддался под власть короля и в 1659 году под Конотопом, соединившись с татарами, наголову разбил отборные русские

войска князя Пожарского. Началась новая война России с Речью Посполитой, на сей раз сопряженная с ощутимыми неудачами: на Волыни была вынуждена капитулировать армия Шереметьева; в Белоруссии под Ляховичами Сапега, Кмициц и Чарнецкий разбили 20-тысячную армию князя Хованского. В 1658 году на сторону короля перешел полковник Нечай, и его казаки обернули оружие против русских. Передались королю и вожаки белорусских крестьянских отрядов — Мурашко, Драневский. В 1661 году восставшие шляхта и городские верхи Могилева перебили русский гарнизон. Войскам царя Алексея пришлось оставить Минск и Борисов, а осенью 1661 года — Полоцк. По сути дела, вся Белоруссия вновь вошла в состав Речи Посполитой. Недолгие годы благоденствия православной церкви завершились, и ближайшее будущее могло сулить лишь притеснения, что незамедлительно и последовало. Не решив ни одной из задач: религиозной свободы, облегчения социального положения крестьян, — война, сопутствующие ей голод, эпидемия унесли на тот свет половину населения. Огромный ущерб претерпели хозяйство и культура. С потоком образно сравнивалось это время. Представление о нем дает роман Генрика Сенкевича «Потоп». Кстати сказать, что прообразом главного героя

романа — Андрея Кмицица — послужил оршанский войт Самуэль Кмициц, сын оршанского старосты Кмиты. Правда, литературный персонаж существенно романтизирован: он хоть и совершает множество недобрых, самолюбивых поступков, но не из корысти. В отличие от него реальный Кмициц был не чист на руку, обирал горожан и за такие грехи подвергся изгнанию. Однако за храбрость и воинские заслуги был прощен и даже получил высокий чин великого стражника литовского. В романе обстановка того времени передана впечатляюще и довольно точно; во всяком случае, ужасы той войны Сенкевич описал в полном соответствии исторической правде.

На полях сражений погибла наиболее активная часть народа. Развилось неизбежное после долголетних войн невежество, ожесточились нравы, вступила в свои права мстительность. Ничего доброго не мог ждать для себя в родном своем городе и вообще в Княжестве Симеон Полоцкий. «Горделивым, гневливым, а злым церкви гонителям» в любой момент могли припомниться его пышные восхваления русскому монарху («Солнцем, я тебе царю, упатрую») и размах пожеланий: «Приими митру Литовску, приими и корону Полскую, Алексею, под свою оброну». Претензии же такого порядка в то лихолетье без раздумий удовлетворялись саблей.

Из неожиданной перемены обстоятельств, помимо реальной опасности для жизни, проистекали и другие, не менее горькие, последствия, главное из них заключалось в теперь уже полной невозможности осуществить свои творческие планы, в частности получить доступ к печатному станку. В этом отношении неблагоприятными были и годы царского владения Белоруссией. Ближайшая к Полоцку типография Спиридона Соболя, которая помещалась в Кутеинском монастыре близ Орши, была вывезена в Новый Иерусалим (монастырь в 60 километрах от Москвы, основанный в 1656 году; ныне город Истра). Издательская деятельность на белорусском языке загасла, во всяком случае вторая половина столетия не отмечена книжными изданиями.

После отступления русских из Белоруссии православные братства переходили к обороне; от паствы, пастырей и монахов требовалась твердость духа для терпения обид. Скудость средств, которыми располагали братства, регламентировала быт белого и черного духовенства. Содержать одаренного, а потому склонного к независимости поэта и братству, и епископству было не по карману. Падение интереса к особе Полоцкого, пренебрежительное желание указать «сверчку свой шесток» выразилось в наказании, назначенном Симеону епископом Калистом; за какой-то проступок епископ обязал поэта к работам в хлеву. Уравнение высокообразованного Симеона с обычными скотниками

вряд ли было принято с душевным смирением. Более того, пришлось изведать и все страхи тюремного заключения. По навету Симеон какой-то срок отбыл за решеткой в ожидании суда и наказания. «Молитва в скорби сущего и клевету терпящего» передает испытанные Полоцким в те дни чувства:

Призри оком милости на мене скорбяща. От неправедна мужа клевету терпяща. Их же ум мой не мыслил, он на мя клеветет. А душа в невинности от

страха трепещет. Крове моя хочет, пагубы желает...

Вообще, жизнь Симеона в этот период проходила тоскливо. Сквозь юмористическое описание быта в автобиографических стихах слышится горечь безысходного разочарования:

Вся глава умом велми ся наткана. А мозгу мало, что места не стало. Времем сквозь нос разум вытекает, Да Семен умен — языком приимает. А сколько силы не можно сказать — Лва на бумагу мощно мне раздрати. Другий то Сампсон, да нет с ким побиться, Кого вызову, всяк мене боится.

Да кто с богатырем бороться посмеет. Мечем, пистольми — все Семен умеет. Мнози видают, как сильно борюся. Когда с рубахи в вечер раздегнуся.

Не один недруг тогда погибает, А кровь от ногтей аж в очи плискает. По такой битве рад я спочиваю, На мяккой лавке так трудов збываю... Свои полаты за печью имею. А про богатство хвалиться не смею, Чтоб вор не окрал, а стану дарити. Кто мя изволит скоро оженити. Я буду ему праведно служити — Хлеб дармо ести, вино добре пити.

Так что весьма невеселую, даже тягостную жизнь вел Симеон в монастыре. Хотелось ее изменить, надо было куда-то подаваться, где-то искать лучших условий. Мысли такого рода, верно, крепко занимали поэта:

Видите меня, как я муж отраден. Возрастом велик и умом изряден. Ума излишком, аж негде девяти, Купи кто хочет, а я рад продати. Но время шло, а покупателя не находилось. Репутация певца враждебного Речи

Посполитой монарха не позволяла искать счастья на родине. Раскаяние же в

«политических грехах», склонение головы перед меценатами католического исповедания было чуждо его культуре, и Симеон пошел на риск — летом 1664 года, забрав мать и племянника, он, как тогда говорили, отъехал в Москву.

Это был смелый шаг. В российскую столицу в поисках доли или ради заработка приходило достаточное число белорусов, но в основном ремесленники и шляхта; их умения никак не соотносились с идеологией. Полоцкий же явился с пожеланием занять место в духовной жизни Москвы, войти в слой людей, формировавших общественное сознание. Меж тем он как недавний униат и тем более как монах униатского Ордена легко мог быть обвинен в религиозном инакомыслии, подвергнут наказанию. Самое удивительное, что Полоцкий, живя в центре православия и сам выступая защитником официальной церкви, не отрекся от своих униатских убеждений. Не заявляя о них вслух, что было бы равносильно самозакланию, он в тишине своей кельи подписывает некоторые книги личной библиотеки, правда, на латинском языке, так: «Эта книга есть надежное вместилище знаний Симеона Петровского-Ситниановича, полоцкого иеромонаха Ордена святого Василия Великого». Дата — август 1670 года — не оставляет сомнений, что шесть лет

пребывания в Москве, довольно тесные контакты с царским двором, с верхами русской церкви не поколебали взглядов Симеона и что к достоинствам «чистого» православия он относился с иронией. Предубеждение против крайностей религиозного чувства позволяло ему вкусить и от восточной и от западной культур. Признание либо одной, либо другой, по его мнению, обедняло те радости, какие следуют из широты знаний, из общения со всеми доступными авторами и книгами. Эту идею Симеон последовательно, пользуясь любым случаем, претворял в дело, вкладывал ее в различную форму — от богословских сочинений до стихов.

Естественно, что Полоцкий оказался во главе «латинников» — той группы русского общества, которая ориентировалась на восприятие западноевропейской культурной традиции. Латинский язык, за широкое изучение которого стояли латинники, был языком международного общения, языком науки; овладение латынью открывало доступ к европейской и античной культуре. К кругу латинников принадлежали достаточно влиятельные при дворе люди — начальник Посольского приказа Афанасий Ордин-Нащокин, окольный Федор Ртищев, свояк царя Борис Морозов, боярин Артамон Матвеев. Последний устраивал в своем доме собрания литераторов, так сказать, литературные среды. Приятелем и единомышленником Полоцкого был и князь Василий Голицын, будущий фаворит царевны Софьи. Среди этих людей и вызревали идеи о необходимости преобразований в русской жизни, осуществить которые после поражения Софьи в борьбе за трон выпало Петру I. Их противниками была «старомосковская» партия, так называемые грекофилы, стоявшие за отказ от изучения наук, не относящихся к богословию, за главенство церкви над просвещением, за ограничение культуры церковной греческой традицией. Из этой партии происходили критики Полоцкого, а в 1690 году на церковном соборе грекофилы все сочинения Полоцкого объявили еретическими.

Но в 1664 году, и уже потом до конца дней, фортуна благоприятствовала Симеону. В недолгом времени по приезде он указом царя был назначен учителем в специально открытое училище для подъячих Приказа Тайных дел. Учеников было четверо; с одним из них — Сильвестром Медведевым — Полоцкого связывала близкая дружба. Под руководством Симеона Медведев развивал свой поэтический талант и вошел в историю русской литературы вслед за учителем как один из лучших поэтов-силлабистов XVII века. Жизнь его кончилась трагически — он был казнен в 1691 году через отсечение головы по ложному обвинению в заговоре на жизнь Петра. Таков еще один пример

несчастной писательской судьбы, отличной от судьбы Симеона Полоцкого. Главными предметами в училище были латинский и польский языки, но кроме них Симеон преподавал своим взрослым ученикам грамматику, риторику, поэтику, кое-что из богословия, философию и астрономию с астрологией. Астрология учила составлению гороскопов. Тайные знаки звезд любил прозревать Медведев: с помощью астрологических расчетов он исчислил месяц рождения своего учителя — декабрь 1629 года, однако, к сожалению, не

предугадал своей беды. По моде века баловался гороскопами и Симеон, по крайней мере он составлял гороскоп при рождении Петра

Алексеевича (будущего Петра I):

И ты, плането Арес и Зевс, веселися В ваше бо сияние царевич родися... От бога сей планет естество дадеся. Лучше бо прочих планет в действе обретесе, Хитрость, богатство, слава на ней почивает, И на главе царской венец полагает.

Пророчество, как известно, сбылось, поскольку его исполнили стоявшие за спиной Петра и рвавшиеся к власти Нарышкины. Но в 1672 году, когда сочинялся стих, обращение поэта к звездам носило сугубо метафорический характер — благорасположение планет к младенцу украшало стих и льстило самолюбию царствующих родителей. Личное отношение Полоцкого к астрологии было иным:

Звезды в человецех воли не вреждают, Токмо страстми плоти нечто преклоняют. Тем же на звезды вины несть леть возлагати, Егда кто зло некое обыче деяти.

«Приветства», подобные упомянутому, Полоцкий сочинял десятками, можно сказать, на ходу. С 1665 года, заняв как бы неофициальный чин придворного поэта, он отмечал «пиитическими художествами» все более-менее приметные события жизни царской семьи — рождения, смерти, браки, именины.

Свободному доступу в Кремлевский дворец способствовало и назначение Симеона наставником царевичей — сначала Алексея, а по его смерти — Федора (будущего царя). Их Полоцкий также обучал латинскому и польскому языкам, и конечно же, стихосложению. К авторитету и знаниям Полоцкого царь прибег и при выборе учителя для царевича Петра. По обычаю Петра начали учить с пяти лет, в учителя определили подьячего Никиту Зотова, но прежде в присутствии самодержца Симеон проэкзаменовал Зотова в чтении и письме. Специально для Петра Симеон подготовил и издал «Букварь». Поскольку в то время самым надежным средством для прилежания в науках считалась розга, Симеон решил украсить учебник юмористическим посвящением этому атрибуту просвещения:

Плевелы от пшеницы жезл тверд отбивает, Розга буйство из сердец детских прогоняет. Розги малому, бича большим треба, А жезл подрасшим, при нескудном хлебе. Та орудия глупых исправляют.

Плоти целости ничтоже вреждают И волю злую к богу прилагает... Целуйте розгу, бич и жезл лобзайте, Та суть безвинна, тех не проклиняйте...

Заветной мечтой Симеона было создание в Москве высшего учебного заведения по образцу Виленского университета или Киево-Могилянской академии, в котором он сам мог бы занять должность ректора и, получив относительную независимость от двора и церкви, сумел бы деятельно осуществлять свои взгляды на просвещение. Однако ранняя смерть помешала исполнению этих планов. Но идея Симеона, хоть и в сильно ущербленном виде,

была реализована в 1686 году, в правление Софьи, когда в Москве на Никольской улице открылась Славяно-Греко-Латинская академия.

Близость ко двору, зависимость от личных достоинств самодержца и людей его окружения налагали на Полоцкого определенные пути. Материальное содержание, назначенное ему царем как наемному литератору, требовало лояльности, исполнения работы «в соответствии с желанием заказчика».

Близ царя еси — честь ти сотворнся. Но точию вины всякие блюдися: Ибо тяжко оттуда падати И неудобно есть паки возстати.

Называя себя в стихах, посвящаемых царю, «рабом смиреннейшим», «иеромонахом недостойным», Симеон всего лишь исполнял ритуал; о своем достоинстве он мыслил иначе:

Аристотелес рече, что себе хвалити есть суетство; глупство же есть себе хулити.

Связки восхвалительных эпитетов, которыми Симеон расплачивался с царем, говорили скорее о лексических изысканиях поэта, об удовольствии, доставляемом ему формотворчеством. Возводя словесно-архитектурные сооружения, которые можно было читать и разглядывать, как картину (например, в «Орле российском» среди панорамы звездного неба показано Солнце, от него расходятся 48 лучей, в каждый вписана одна из добродетелей царя, вокруг знаки Зодиака, панорама опирается на колонну из виршей и т. д., и все это в красках), создавая также свойственные эпохе барокко произведения, Симеон прежде всего удовлетворял свое творческое самолюбие. Прилагая к особе монарха определения «смиренно-мудрый», «добронравный», «тишайший», Полоцкий не говорил всерьез, это были скорее ритуальные речения.

Для искреннего умиления перед царем московская и российская действительность не давала оснований. Страну сотрясали народные волнения и восстания. Царствование «тишайшего», Алексея Михайловича (1645—1676) вошло в историю под названием «бунтажного времени» — тридцать восстаний за тридцать лет. В 1667 году разразилось восстание под началом Степана Разина. Раскололась церковь. Восемь лет длилось восстание на Соловках. Воевали с Речью Посполитой, но платили дань крымскому хану. Просвещение было заботой одиноких энтузиастов: государство об этом не заботилось. Непримируемость к недовольным и еретикам отличалась крайней жестокостью. После Медного бунта семь тысяч человек казнили отсечением головы, а пятнадцать тысяч —

отсечением руки или ноги. В 1672 году в Москве погиб на костре ученик Аввакума и тоже литератор Авраамий. В обиход вошло резание языков — дабы ересей не рекли.

В такой обстановке безусловного подчинения, молчания и насилия Симеон Полоцкий позволял себе поучать царя:

Мало есть правды царю мудро быти И подчиненных мудрости лишити...
Вели и рабом мудрости искати, И того тебе будут работати...

От искусных муж ищи совета И от разумных вопросы ответа... Милостив буди, и скор оставляти, Косен казнити, а готов слушати извинения. Кротость да храниши...

Требовала смелости и пропаганда терпимости к чужому мнению, к заблуждениям и грехам другого человека, что составляло главную тему его «Комедии о блудном сыне».

Известность пришла к Полоцкому в 1666 году, когда церковный собор судил патриарха Никона и решал вопрос о раскольниках. Симеон был приставлен переводчиком к восточному патриарху Лигариду, не знавшему русского и славянского языков. От Лигарида ожидали убедительного ответа, но представленное им сочинение не удовлетворило церковную верхушку, и ответ на челобитные раскольных попов Никиты и Лазаря поручили составить Полоцкому. Симеон написал обширный полемический трактат «Жезл правления». Пользуясь случаем, он наполнил свой труд просветительным содержанием, а всю систему доказательств нацелил против невежества. Именно в невежестве, по убеждению Полоцкого, коренились заблуждения раскольников:

Буйствам обдержимые, премудрость хухкают, Слепи суще, светлости оныя не знают.

Никита, в частности, «через все житие свое в нощи невежества слепоствовав, яко сова, дерзнул возвести мрачныя очеса своя в светлый лучи святыя богословия». Лазарь в полемическом освещении Симеона и вовсе неграмотен. «Иди,— писал он не без насмешки,— прежде научися грамматичесствовати, таже к вящным хитростям учения». Но и противники старообрядцев немногим их образованнее:

Православныя себе именуют быти, А мрачных еретиков не можем учити. Сами бо не учимся, избрахом лежати. Во тьме невежествия таин почивати.

Низкая образованность, по мнению Полоцкого, стала как бы корпоративным признаком духовенства. «Многие невежды, не бывшие никогда учениками,— писал он,— смеют называться учителями... по правде, это не учителя, но мучители. Оттого умножилась в людях злоба, преуспело лукавство, волхвование, чародейство, разбой, воровство, убийства, пьянство... виною всего этого... неуменье и нерадение духовных отцов». Вообще, невежество для Полоцкого было злом зол:

Невежда пути вожд да не бывает Книг неискусный да не поучает. Невежда мудрого елма поучает — Слепец читаго провождает.

Сова о лучах солнца рассуждает, Егда невеглас о мудрых вещает.

Естественно, что раскольники платили Полоцкому открытой неприязнью. Откровенный и резкий в слове протопоп Аввакум писал: «Христос не учил нас диалектики а ни красноречия, потому что ритор и философ не может быть

христианин... Златоуст называет философов трапенежными псами, а нынешних мы философов как наречем их, разве песьими сынами». По Симеону же:

Яко врачество болезнь исцеляет, Философия нрав зол души исправляет.

Он говорил об Аввакуме: «Се не умеет науки». В 1667 году, когда Аввакума готовили к ссылке в Пустозерск, Симеон являлся к нему по просьбе царя, наивно верившего, что просвещенный иеромонах убедит упорствующего протопопа отступить. Аввакум записал об этом их последнем свидании так: «Зело было стязание много: разошлись яко пьяни, не мог и поесть после крику». Другой исход бесед был бы чудом: две самые интересные и великие личности эпохи — вождь раскола и глава «латинников» — принадлежали к различным культурам, не имели ни одной точки соприкосновения взглядов и интересов. Аввакум — религиозный бунтарь, Полоцкий — сторонник просвещенного абсолютизма; Аввакум старался сохранить старину, простоту души. Полоцкий стремился ее обновить познанием; для Полоцкого царь — «вождь, богом данный», для Аввакума — царь «в жизни сей, яко козел скача по холмам ветр гоня»; Аввакум — мученик за веру, заживо сожженный по приказу царя Федора; Полоцкий менее всего расположен был терпеть за веру; для Аввакума вера — изначально и независима от культуры; для Полоцкого — чем выше культура, тем выше нравственность:

Естество дает токмо еже жити. Философия учит благо жити; Ово со скоты обще нам бывает,

Сня аггелам нас уподобляет.

Аввакум обращается к душе. Полоцкий — к уму; Аввакум в первую очередь проповедник, Полоцкий в первую очередь — просветитель и поэт.

Стихотворчество было главным увлечением Симеона. Оставленное им поэтическое наследство огромно — пятьдесят тысяч строк. Он писал во всех жанрах и достиг высокой отточенности формы. Первым в России он превратил поэзию из ремесла в искусство. Большинство стихов Полоцкого построено по одной схеме: образ и его поэтический эквивалент нравственного содержания. Например:

Колесо скрипяще путнику стужает. Человек же ропотный богу досаждает.

Поэтические ассоциации Симеона часто очень неожиданны. Какая связь вроде бы может быть между овцой и вечерней молитвой, однако же:

Овца бо, егда приидет время спати, Нрав на колени имать припадати. Овчествуй каждо, прежде преклонная На колена ты, сердцем сокрушися.

О высоком профессионализме поэзии Полоцкого свидетельствуют его стихи с рифмующимися полустихиями:

Не люби тела и будет цела Душа, конечно, поживет вечно. При жизни, хлебе, со Христом в небе...

Или еще, более изощренные по форме:

Есть прелесть в свете, як в полном цвете, ту ты остави возлюбленный, душе грешная, от злб воспрями. Приходи время, а грехов бремя тя угнетает, демон же смелый на тебе в стрелы яд своя впускает.

Мог Полоцкий блеснуть и требующим кропотливой работы стихом в две колонки, которые можно читать раздельно и в совокупности, как единый стих:

Бог сый в небе Радость тебе Да дарует Честь и славу Мужу праву Да готует
За то, яко Всем благ всяко Бывавши Бедным милость Скорбным радость...

Боже благий Свете драгий Да храниши Марфу здраву В твою славу Юже зрише Тя, любящу

И служащу Сердцем правым Умом десным Словом честным...

Есть у Полоцкого стихи, соединяющие вирши на трех языках — славянском, польском, латинском. Любил он и существовавшие в античной поэзии фигурные стихи — в виде звезды, ромба, сердца и т. д. При случае Симеон умел поиграть значениями слова:

В мире не мирном мир ныне бывает, егда царь мира враги побеждает.

Главный сборник поэзии Полоцкого — «Вертоград многоцветный» — выразил все дидактические устремления поэта, который видел в своих стихах пособие к исправлению нравов: «Обрящет zde благородный и богатый врачевства недугом своим; гордости — смирение; сребролюбю — благорасточение... Обрящет гневливей — кротость и прощение удобное; ленивец — бодрость; глупец — мудрость... ненавистник — любовь...

блудник — воздержание». Нашли в сборнике место стихи сатирического содержания, из которых наиболее интересно обличение «Монах»:

Но увы безчиния! Благ чин погубися, иночество в бесчинство в многих преложиися... Множицею есть зрети по стогнам лежащих, изблевавших питие и иа свет не зрящих... Мнози от вина буи сквернословят зело, лают, клеветцут, срамят и честныя смело... Ни жених иный тако себе украшает, Яко инок несмыслный,— за что погибает...

Расположив стихи в алфавитном порядке, Полоцкий создал своеобразную энциклопедию, в которой перемежены изложение церковных легенд, анекдоты, сведения из истории, географии, минералогии, взгляды иа идеального монарха, на обязанности начальника, обличения пороков, знахарства и особенно завистников и клеветников (на создание последнего цикла его вдохновили враждебные действия грекофилов).

Смелым начинанием Полоцкого был и стихотворный перевод Псалтыри. Идея не отличалась новизной — в Речи Посполитой такой перевод выполнил Ян Кохановский веком прежде, но по условиям московской жизни посягнувение на книгу «священного писания», попытка вложить в рифмы нерушимо хранившиеся тексты казалось дерзостью, вызвала недовольство и сопротивление. Сама эта поэтическая акция, явное небрежение к старинной

традиции уязвляли старый образ мышления. Одаренный остротой слова противник Симеона грекофил Евфимий объяснял его деятельность в таких нелестных образах: «Ведати подобает, како ся волк смиряет, когда овцу уловляет или коня хватает: не точию главою челом биет к земли пред овцею, но и на чреве ползает и хвостом ласкателне творит и очима блискает весело, яко свещами. Овца же разсуждает: яко то у волка на сердце, что и на хвосте. Нет, бедная овечка! Плюй на его челобитье, утекай от него, бежи!» Только покровительство царя позволило Симеону отпечатать «Псалтырь» в типографии. По ней учились грамоте несколько последующих поколений. Работе Полоцкого воздал должное М. В. Ломоносов, назвав эту книгу вместе с «Грамматикой» Смотрицкого «вратами своей учености».

Книгоиздательская деятельность Симеона — еще одно из важных для развития русской культуры дел. В отличие от Западной Европы и от соседних Белоруссии и Украины, где типографии могли держать частные лица и издавать литературу по собственному усмотрению, в России XVII века монополия на печатание книг принадлежала церкви. В стране была одна типография, подчиненная патриарху, и она работала исключительно на потребу церкви: из 483 названий книг, выпущенных в Москве за столетие, только 13 изданий носили относительно светский характер. «Латинствующие заблуждения», которыми наполнял свои сочинения Полоцкий, без сомнений, не получили бы разрешения на печатание от возглавителя грекофилов патриарха Иоакима. Бездарными были бы и попытки издать в официальной типографии свои стихи. Под воздействием Симеона его воспитанник царь Федор Алексеевич нарушил вековой обычай и открыл типографию в Кремле специально для Симеона; Полоцкий был полным ее распорядителем. Избегая контактов с противоборствующим ему Иоакимом, Полоцкий на своих изданиях самовольно ставил пометку, что книга печатается с благословения патриарха. Иоаким впоследствии возмущался: «Толико убо той Симеон освоеволися... печатным тиснением некия своя книги издати, оболгав мерность нашу, предписа в них,

якобы за нашим благословением тыя его книги напечатаны. Мы же прежде типикарского издания тех книг ниже прочитахом, ниже яко либо видехом... отнюдь не токмо благословения, но изволения нашего не было...»

Получив типографию, Полоцкий наметил печатать сочинения, соответствующие своему мировоззрению. Понятно, что первыми изданиями стали его собственные работы. Он собрал и подготавливал для опубликования всю свою литературную продукцию. Но в разгар этих хлопот он скоропостижно скончался. Принявший печатню Сильвестр Медведев издал два тома проповедей и наставлений Симеона — «Обед душевный» и «Вечеря душевная». Сборники же стихов «Вертоград многоцветный» и «Рифмологион» так и остались неизданными. Извлечения из них впервые появились в печати только в XIX веке, а более широко — в наше время. Полное издание поэзии Полоцкого пока что не осуществлено.

Издать «пиитическое» наследство своего учителя Медведеву помешали

старания грекофилов, которые при благоприятствующих обстоятельствах — после поражения Софьи и связанных с ней «латинников» — вообще осудили сочинения Полоцкого как «ереси имущих» и дали на них запрет «дерзати народно и в церквах прочите ти». Однако не эта отсроченная месть идейных противников погасила читательский интерес к поэзии Полоцкого в следующем веке. Симеон в своем творчестве выступал просветителем, представляя читателю широкий круг знаний, явлений и идей, о которых не было возможности рассказать иначе. Но при Петре просветительство получило иные каналы распространения; научная и светская книга пошла к читателю прямо, не облекаясь в замысловатые одежды силлабического стиха. Да и сама силлабика была обречена на забвение. «Новый и краткий способ к сложению российских стихов с определениями до сего надлежащих знаний», разработанный В. Тредиаковским и изданный в 1735 году, поставил крест на равносложных виршах. За все последующее развитие истории русской поэзии никто не обращался к силлабическому стиху, но без той огромной работы, которую проделали силлабисты, и более всех остальных Симеон Полоцкий, без того освоения разных поэтических жанров, без опробования тысяч поэтических сюжетов, без формальных поисков немислимо было бы качественное изменение стиха, которым отмечена уже поэзия Тредиаковского, Ломоносова, Сумарокова. Потом пришли Державин и Жуковский. Потом Пушкин и Лермонтов создали русскую классику, и нива поэтическая расцвела... Но «первый гон» на ниве русской поэзии провел Полоцкий.

Он был последним в ряду мощных деятелей белорусской литературы эпохи Ренессанса и барокко, после него вплоть до 30-х годов XIX века крупные личности, выступавшие в литературе на родном языке, неизвестны. Он стал первым русским профессиональным писателем, и более того, первым в России, интеллигентом без необходимой для существования интеллигента среды, вопреки окружающей среде. С этим связаны некоторые моменты его социального «приспособленчества», неустанность его просветительской проповеди, широта «культурнической» миссии, гибкость и разнообразие ее форм и средств. Полоцкий обогнал российскую действительность на целый век. По суровому закону истории таких людей — предтеч и предвестников — ближайшие к ним поколения забывают. Так случилось и с Полоцким. Признание его достоинств и заслуг принадлежит нашему времени. Сейчас нет исследователя русской и белорусской культуры XVII века, который бы не обращался к творчеству Симеона. Литературная и идеологическая жизнь того столетия недоступна правильному пониманию без учета его деятельности.

Свеча жизни Полоцкого загасла, отмерив поэту пятьдесят лет. Умер он для всех неожиданно, после короткой болезни, в полной ясности сознания. Он близкую смерть

предчувствовал и составил духовное завещание. Распоряжаясь своим состоянием (а оно по тем временам было немалым: шестьсот рублей золотом и семьсот серебром), Симеон Полоцкий назначил определенные суммы некоторым белорусским монастырям — Кутеинскому, Полоцкому, Витебскому,

Святодуховскому в Вильно, Минскому, Дисненскому, Миорскому, которые, оставаясь защитниками родной культуры на белорусских землях, противостояли ополячиванию и окатоличиванию. Эта была его последняя дань родине.

Похоронили Симеона в Заиконоспасском монастыре, где он прожил все шестнадцать лет своего пребывания в Москве; возле могилы поставлены были две каменные стелы, на которых высекли и позолотили эпитафию из 48 строк, написанную Медведевым. Перечисляя заслуги Симеона Полоцкого, Медведев отмечал, что это был муж «в научение роду российску явивый», «проповедью слова народу полезный». Служение слову, служение просвещению против «тьмы невежества» и связало неразрывно и навеки имя Полоцкого с историей нашей духовной культуры.